Текст · 29 марта 2023, 07:15
Наталья Гуменюк, Энн Эпплбаум,

«Они ничего не понимали, просто ломали людям жизни». Откуда берется невероятное насилие российских оккупантов в деревнях и маленьких городах Украины

Почему во время оккупации российские силовики похищают деревенских старост и мэров маленьких городов, пытают волонтеров, преследуют школьных учителей? И что общего между зверствами оккупантов и «потемкинскими деревнями»? На эти вопросы отвечает украинская журналистка Наталья Гуменюк — одна из основательниц *The Reckoning Project*, международной группы репортеров и исследователей, которые собирают свидетельства военных преступлений в Украине. На основе интервью, которые подготовил проект, она написала статью в соавторстве с корреспондентом *Atlantic* Энн Эпплбаум.

Ночью 24 февраля 2022 года Виктор Маруняк проснулся от оглушающего звука ракет. Он увидел вспышки в небе и клубы черного дыма. Маруняк оделся и пошел на работу — он был старостой села Старая Збурьевка, которое находится в устье Днепра, на противоположном берегу от Херсона. Первым делом Маруняк отправился на экстренное совещание со своими коллегами из соседних деревень. Довольно быстро они поняли, что пытаться выйти на связь с украинской армией уже поздно. Их район был отрезан от Украины. Они были под оккупацией.

Оккупация. Маруняк был готов к тому, что начнется война, но совершенно не понимал, что будет означать для его поселка российская оккупация. Как и коллеги с совещания, он занимал выборную должность, причем с 2006 года. Он побеждал на самых настоящих выборах, дающих широкие полномочия местному самоуправлению, а не был назначен после декоративного сфальсифицированного плебисцита, как в советские времена или в современной России. И когда началась оккупация, он почувствовал, что на нем лежит огромная ответственность: он не может покинуть Старую Збурьевку, его задача — помочь своим избирателям в сложнейших ситуациях, которые начали возникать одна за другой. «Уже через несколько дней у жителей поселка начались перебои с едой, — рассказывает Маруняк. — Не было хлеба и муки, и я пытался покупать зерно у фермеров... Многие семьи стали делиться продуктами, и мы организовали фонд, который распределял их по мере необходимости».

Похожая ситуация была с лекарствами. Поскольку украинской полиции уже не было, местные жители организовали ночные патрули. Маруняк готовился вступить в переговоры с российскими солдатами, которых вот-вот должны были прислать в Старую Збурьевку. «Я сказал людям, чтобы они не боялись: когда придут русские, я буду первым, кто будет с ними говорить», — вспоминает Маруняк.

Так и случилось. За это он заплатил чудовищную цену.

Российские солдаты, которые заняли Херсон — как и те, что пришли в Бучу и Ирпень, Харьковскую

и Запорожскую области или любой другой регион Украины, — не были готовы к встрече с людьми вроде Маруняка. Даже те из них, кто имел хоть какое-то представление о том, где они оказались, были уверены, что они пришли на исконно российские земли, которые оказались под властью непопулярной и неуверенной в себе украинской элиты. Судя по тому, что они делали, их изначальной целью было обезвредить представителей этой элиты: арестовать, депортировать, убить. Но они не ожидали, что это окажется так трудно.

Стратегия российской оккупации не нова. Советские солдаты, занявшие восточную Польшу и страны Балтии в начале Второй мировой войны, тоже пришли туда со списками категорий граждан, которых нужно было арестовать. В мае 1941 года Сталин лично составил такой список для оккупированной Польши. Для него все, кто был связан с польской полицией, офицеры, лидеры политических партий и госслужащие, а также их семьи были «контрреволюционными элементами», «кулаками», «представителями буржуазии» — проще говоря, теми, кого необходимо уничтожить.

Год назад, готовясь к вторжению в Украину, Россия составляла похожие списки, и некоторые из них теперь обнародованы. В них фигурируют украинский президент, премьер-министр и другие представители правящей верхушки, а также известные журналисты и активисты. Но российские солдаты не были готовы к тому, что столкнутся с повсеместным сопротивлением. И уж точно они не были готовы к встрече с главами администраций небольших городов и сел — преданными своим

избирателям, сознательными и получившими реальное большинство голосов на выборах.

Возможно, именно поэтому они так невероятно жестоко обошлись с 60-летним Виктором Маруняком, который был арестован 21 марта. Вместе с еще несколькими мужчинами из Старой Збурьевки его три дня держали в наручниках и с завязанными глазами. Российские солдаты избивали его, не давали еды и воды, приставили пистолет к виску и угрожали утопить. Говорили, что задержат его жену и дочь. Один раз Маруняка раздели догола и заставили несколько часов стоять на холоде. В другой раз душили, пока он не потерял сознание. Они выпытывали, где он хранит оружие. Поскольку Маруняк подходил под описание, понятное оккупантам, — а может, и потому, что его патриотизм и гражданская позиция казались им странными, — они решили, что Маруняк — член секретной украинской «диверсионной группы». Он им не был. У него не было ни оружия, ни военных навыков.

После нескольких дней в плену, перед отправкой в Херсон, Маруняк смог ненадолго увидеться со своей женой, Катериной Огарь. Солдаты сказали ей, что в следующий раз она увидит мужа через 20 лет. Потом Маруняка отправили в очередную пыточную, где уже другие солдаты подвели провода к большим пальцам его рук. Пытка устроена так: провода подключают к пальцам на руках или на ногах, иногда к гениталиям жертвы — и пускают ток с помощью батарейки полевого телефона. По словам одного из свидетелей *The Reckoning Project*, солдаты называют это «позвонить Путину». Похожим образом пытали людей во время

советского вторжения в Афганистан и чеченских войн, и вот сегодня это происходит в Украине. Маруняк заметил, что пока его допрашивали под пытками, никто ничего не записывал. Допрос велся небрежно, и он никак не мог понять, что, собственно, его мучители пытаются выяснить. Возможно, ничего. В конце концов, после многодневного плена Маруняка освободили. С девятью сломанными ребрами и пневмонией. Он покинул оккупированную территорию.

Видео на YouTube

YouTube

The Reckoning Project interviews Viktor Marunyak

@The Atlantic

https://www.youtube.com/watch?v=jqe586dyNWM

Фрагмент документального фильма «Потерянный рай» Романа Бондарчука о Викторе Маруняке, снятого в рамках The Reckoning Project

За последний год *The Reckoning Project* отправил полтора десятка репортеров и исследователей собирать и записывать подробные свидетельства жертв и очевидцев зверств, творящихся на оккупированных территориях прямо сейчас или происходивших там до освобождения. Затем адвокаты и аналитики изучают свидетельства, чтобы их можно было представить в качестве доказательств на будущих судах. Участники *The Reckoning Project* обнаружили, что опыт Маруняка не уникален. Олега Яхниенко, главу Миловской сельской общины, брали в плен дважды. Главу Зеленого Пода Олену Пелешок держали в заточении больше двух месяцев. Главу села Бехтеры Михайло

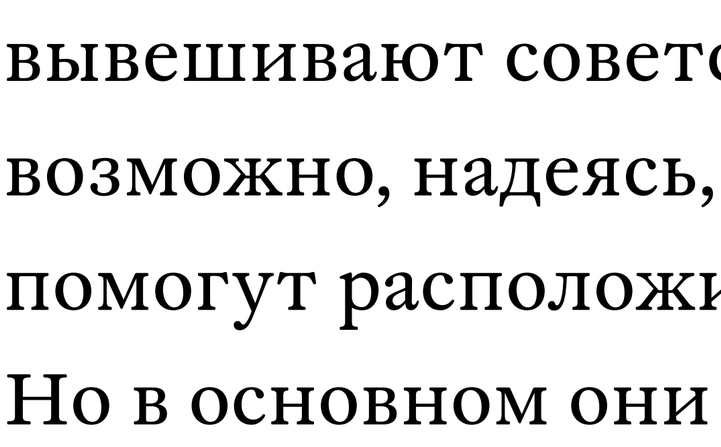
Бурака пытали. Только на территории побывавшего под оккупацией Харькова полиция обнаружила 25 пыточных. Правительство Украины считает, что главы общин, мэры, их заместители и другие местные лидеры большей части 49 районов Херсонской области были арестованы или похищены. Некоторые из них просто исчезли.

Во многих рассказах совпадают не только кошмарные обстоятельства, но и атмосфера нереальности происходящего. Пленникам объясняли, что украинская власть притесняла их за то, что они говорят по-русски, а вот теперь, настаивали захватчики, они «свободны». Но когда русскоговорящие мэры и другие представители местных властей прямо говорили, что ничего подобного не происходило и что вообще в этом регионе очень многие говорят на русском, солдаты терялись. Дмитро Васильев, секретарь горсовета в оккупированной Новой Каховке, в интервью *The Reckoning Project* вспоминал, что он говорил по-русски более грамотно, чем солдат, который его допрашивал. Тот был калмыком, а Васильев родился в Москве. Он считал себя этнически русским украинцем, и это путало солдат: «Они не могли понять, почему я, русский по происхождению, отказываюсь с ними сотрудничать. А я говорил им: "Как я посмотрю в глаза сыну и коллегам, если стану предателем?". Но они просто не понимали, о чем речь». Сейчас Васильева уже нет в живых.

Мучая украинцев с активной гражданской позицией и представителей местных властей, российские солдаты, похоже, не придумали, кем и как их заменить. В отличие от своих советских

предшественников, которые по крайней мере могли назвать идеологию, приводившую их в Польшу, Эстонию или Румынию, у современной российской армии нет никакого представления, как должны выглядеть правительство и администрация, как нужно управлять регионом, и даже нет четкого представления, что значит «русский мир», который так превозносят путинские идеологи.

Конечно, российские силы находят коллаборационистов, чтобы заменить избранных представителей власти, но часто это оказываются совершенно случайные люди, у которых, судя по всему, нет и никогда не было ни идеологической, ни какой-либо другой связи с Россией. Где-то захватчики вывешивают советские флаги и другую символику, возможно, надеясь, что проверенные временем идеи помогут расположить к себе завоеванных украинцев. Но в основном они не предлагают ничего — ни объяснений, ни улучшения уровня жизни, ни хотя бы компетентной администрации. Они наносят серьезный ущерб, но, похоже, сами не знают зачем.

Слева направо, сверху вниз: председатель Высокопольской громады Анна Шостак-Кучмяк, мэр Новой Каховки Владимир Коваленко, секретарь Новокаховского горсовета Дмитро Васильев, председатель Новоалександровской громады Александр Левечко, староста села Мотыжин Ольга Сухенко (с сыном и мужем), староста села Старая Збурьевка Виктор Маруняк. По данным украинских властей, россияне во время оккупации похитили 93 представителя местных властей, 75 из них в итоге оказались на свободе, трое были убиты, включая Ольгу Сухенко. Фото: The Reckoning Project

* * *

Кроме мэров, глав горсоветов и других представителей местной власти, захватчиков

интересуют волонтеры — люди, которые занимаются благотворительностью и по велению души спешат помочь другим. Возможно, они кажутся российским властям подозрительными, потому что их собственная страна давит любые стихийные движения, независимые организации, низовые инициативы. *The Reckoning Project* поговорили с мужчиной из Скадовска, города в Херсонской области, который все еще находится под оккупацией. Назовем этого мужчину волонтер А. (он попросил не публиковать его имя из соображений безопасности). Он входил в ночной патруль и работал в центре распределения гуманитарной помощи. В апреле 2022 года, через несколько недель после начала оккупации, арестовали его отца. Волонтер А. отправился на его поиски и сам тоже был арестован.

Во время допроса А. спрашивали о других волонтерах и его связях с украинскими спецслужбами (их нет), ЦРУ (их тем более нет) и Джорджем Сorосом (это уже просто смешно). Как советские власти, считавшие, что на оккупированных ими европейских территориях бойскауты являются членами подпольной организации, так и русские, похоже, не могли поверить, что А. — просто местный волонтер, работающий с другими волонтерами. Их вопросы наводили на мысль, что само явление волонтерства им совершенно не знакомо. А. вспоминает, что его пытали четверо: били бейсбольной битой, молотком, электрошокером, сломали ребро — чтобы он признал, что состоит в антироссийском заговоре. После допроса ему велели сделать видеопризнание и подписать бумагу, что он не будет распространять «фейки» о российской

оккупации. Затем его держали под стражей, но в итоге А. удалось сбежать с оккупированных территорий.

Видео на YouTube

YouTube

Где россияне пытали пленных украинцев

@Медиазона

https://www.youtube.com/watch?v=-N-0z5Yr5to

Видео: The Reckoning Project

В еще одном городе в Херсонской области, который до сих пор оккупирован, волонтер Б. (он тоже боится за семью и просил об анонимности) пережил похожий опыт. До того как его задержали российские солдаты, Б. руководил волонтерской аптекой, куда можно было пожертвовать медикаменты. Его допрашивали, били и раз за разом спрашивали, в чем настоящая цель его благотворительной деятельности. Кто за ней стоит? И у него тоже возникло впечатление, что российские солдаты просто не могут поверить, что нет никакого тайного организатора, никакой спланированной операции, что это просто обычные люди, которые по зову сердца занимаются общим делом и узнают друг о друге с помощью сарафанного радио и соцсетей. Они требовали, чтобы он кратко записал, как была устроена его деятельность. Б. вспоминает свои показания: «Работало это так. Люди приносили, что у них было, и получали то, что им было нужно. Если у нас это было». Но солдаты продолжали требовать, чтобы он раскрыл детали несуществующего заговора. В итоге они забрали у него обезболивающие, которые он собрал для онкобольных.

Б., которому тоже пришлось покинуть регион, уверен: больше всего допрашивающих выводило из себя то, что волонтеров невозможно контролировать. «Их просто бесит», что кто-то может быть независим от государства или от какой бы то ни было политической системы. Это отчасти объясняет тот факт, что список захваченных и подвергшихся пыткам волонтеров так велик и что их свидетельства, собранные в самых разных оккупированных районах страны, так похожи друг на друга. Руслана Машкова, украинского волонтера Красного Креста, задержали и допрашивали неподалеку от Киева в марте. Женщина из Херсонской области, которая помогала сортировать гумпомощь, рассказала в интервью, что ее арестовали, пытали электрошокером, отняли деньги и избили (она попросила не называть ее имени). Нахмета Исмаилова, жителя Херсона, который до войны организовывал благотворительные концерты и другие мероприятия, тоже пытали током. Любой, кто делает что-то независимое, любой, кто связан с гражданским обществом или может считаться социальным предпринимателем, оказывается в зоне риска, потому что оккупированными зонами управляют люди, которые, возможно, никогда не сталкивались с настоящей благотворительностью или волонтерскими организациями.

* * *

Нигилизм захватчиков особенно заметен в том, как бестолково они подходят к образовательной системе. По идее, Россия должна очень серьезно относиться к украинским школам и университетам

— точно так же, как когда-то к учебным заведениям относился Советский Союз. В разрушенной и оккупированной Восточной Германии после Второй мировой Красная армия в первую очередь занималась не продовольственным снабжением или ремонтом дорог, а запрещала частные детские сады и внедряла новую школьную программу для учителей начальных классов.

Весной 2022 года российские оккупанты говорили, что собираются реорганизовать украинские школы. В Мелитополе, который до сих пор находится под оккупацией, российские военные похитили нескольких директоров школ, а также главу местного департамента образования. Директоров позже отпустили. В Каховке директора местной школы № 1 Виктора Пендальчука допрашивали и держали под стражей две недели, пока ему не удалось сбежать на территорию, подконтрольную Украине.

Кадры из съемок в местах, где во время оккупации содержались украинские пленные. Верхний ряд — Херсон. Нижний ряд — Изюм (Харьковская область) и Ягодное (Черниговская область). Фото: The Reckoning Project

Большая часть школ на оккупированных территориях сначала просто была закрыта или работала онлайн, как во время пандемии коронавируса. Оккупанты требовали от учителей, чтобы те вернулись к работе. В одном из случаев, который расследует *The Reckoning Project*, свидетели рассказывают об учителе математики, географии и информатики (мы не называем его имени, потому что его деревня в Херсонской области все еще оккупирована), к

которому солдаты пришли домой в конце июня. Они схватили его 18-летнего сына — возможно, в том числе потому, что тот собирался изучать в университете историю Украины, — надели ему на голову мешок и увели. А потом сообщили через посредника, что подросток жив, в порядке и накормлен и что его вернут домой, если учитель согласится выйти на работу. Учитель подчинился. Сын вернулся и рассказал, что его допрашивали, угрожали пистолетом и пытали током.

К осени оккупанты удвоили усилия по русификации школ. Украинские учителя переживали, что соотечественники обвинят их в коллаборационизме, если они появятся на работе. Но никакого единого плана у россиян не было, в разных школах все происходило по-разному. По данным *The Reckoning Project*, как минимум в одном из городов Запорожской области из школ изъяли все книги на украинском, в том числе детские. В другом месте изъяли только книги по истории и праву. В одной запорожской деревне, которая все еще оккупирована, солдаты заставили открыть школы, угрожая, что иначе начнут забирать детей из семей. А в других местах низкая посещаемость никого не волнует.

Жители некоторых регионов рассказывают, что оккупанты ввели в школах российскую программу, но уроки были плохо продуманы. В одном районе в школы завезли всего по четыре учебника — по русскому, русской истории, математике и одной из естественных наук, — а все остальные выбросили. 14-летняя Александра, которая живет в Херсоне, рассказывает, что во время оккупации на уроках в школе дети просто сидели в телефонах.

Высшее образование тоже страдает от непредсказуемости и непоследовательности российских властей. Пока под их контролем были Херсонский государственный университет, Херсонская морская академия и Херсонский аграрно-экономический университет, обучение там почти не велось. В июне, когда город все еще был оккупирован, ректором морской академии назначили преподавателя Дмитрия Круглого. Все остальные были уволены. Круглый, который до этого вел курсы по морской радиосвязи и информационной безопасности, объявил, что новая задача университета — построить верфь, но сделано почти ничего не было. После освобождения Херсона Круглый исчез, возможно, уехал вместе с российскими войсками.

Очень многое указывает на то, что у Москвы были большие планы на украинские школы и вузы, но оккупанты на местах не смогли их воплотить. Волчанск, маленький прифронтовой город в Харьковской области, был освобожден в сентябре. В руки *The Reckoning Project* попала копия пятилетнего учебного плана для школ города. В документе около 140 страниц бюрократической писанины, которая,

судя по всему, скопирована из российских учебных планов и никак не адаптирована под школы на недавно оккупированных территориях. В планах, например, присутствуют «День солидарности в борьбе с терроризмом» в память о теракте в Беслане в 2004 году, уроки, посвященные блокаде Ленинграда, и, разумеется, «основы духовной культуры народов России». Во всем документе к самому Волчанску относятся две строки: предполагались экскурсии к городским «достопримечательностям» и в «культурные институции».

Каковы бы ни были намерения Москвы, оккупанты на местах не очень интересовались самим образовательным процессом. Ничего похожего на последовательное навязывание марксистской идеологии в Центральной и Восточной Европе 1940-х годов и даже на усилия пророссийского режима в Чечне после окончания Второй чеченской войны сделано не было. В одном из оккупированных городов учителям приказали организовать празднование 9 Мая. Но оккупантов не волновало, сколько людей придет, узнают ли они что-то о войне и даже будут ли празднования происходить на самом деле. Учителям сказали: «Пары детей будет достаточно». Это была просто показуха, чтобы снять видео, отчитаться московскому начальству, а не рассказать что-то о Второй мировой.

* * *

У каждого региона Украины своя история и свои традиции, и некоторые из них до жути актуальны. В 1787 году — через четыре года после того, как Россия

победила Османскую империю и присоединила земли на юге сегодняшней Украины, в том числе Крым,— свои новые владения собралась посетить Екатерина II. Поездку императрицы организовывал Григорий Потемкин, ее любимый министр и бывший любовник. Именно благодаря этому путешествию появилось выражение «потемкинские деревни». По легенде, вдоль дороги, где должна была проехать Екатерина II, Потемкин построил бутафорские дома и заселил их актерами в костюмах. Каждый день дома и актеров перевозили на новое место, чтобы царица видела, как счастливо и уютно живут ее новые подданные.

Историки сомневаются, что это хитроумное театральное представление произошло на самом деле, но связь Потемкина с этими местами реальна: он похоронен в Херсоне, и, покидая город, российские войска похитили его останки. Легенда о потемкинских деревнях не забылась, потому что она отражает очень узнаваемый феномен: царедворец создает иллюзию, чтобы порадовать далекого монарха. Украинцам, оказавшимся под российской оккупацией, история Потемкина помогает объяснить, что же с ними произошло. Маруняк, глава Старой Збурьевки, говорит об этом так: «Все, что они делают, — это все на камеру. Даже те, кто оказался под оккупацией, не верят в происходящее. Это одна большая потемкинская деревня. Она не в состоянии функционировать. Они стараются слепить из этого что-то, но ничего не работает».

История Потемкина отчасти может объяснить и чудовищный уровень насилия, который самые

обычные россияне применяют к самым обычным украинцам. Снова и снова жертвы рассказывают *The Reckoning Project*, что не могли понять, откуда взялась такая жестокость. Никто никого не провоцировал. Никакие действия украинцев по отношению к русским в далеком или недавнем прошлом не объясняют избиений, электрошокеров, пыточных в гаражах и подвалах, полного пренебрежения к человеческой жизни. Возможно, разгадка в том, что российские оккупанты разочарованы — тем, что не могут ни понять, ни подчинить украинцев. Им сказали переделать школьную программу, но они не знают как. Им сказали найти тайные украинские организации, но они нашли только глав сельских общин и волонтерские группы. С одной стороны, им надо послать в Москву отчет, в котором будет видно, что они контролируют ситуацию. С другой стороны, они злятся, потому что им почти ничего не удается взять под контроль.

У этого непонимания тоже давние корни. В 1928 году украинский писатель Владимир Винниченко написал русскому писателю Максиму Горькому, который назвал украинский язык «наречием». Украина, писал Винниченко, существует вне зависимости от того, что думает об этом Горький: «Вы можете себе считать, что Днепр впадает в Москву-реку — от этого Днепр в Москву-реку не впадет». Как бы сильно кто-то ни хотел, чтобы Украины не было, она есть. Переписанная история не поменяет историческую память миллионов людей. Как бы Россия ни старалась изменить географию этого региона, она останется прежней, и избиения и пытки тут не помогут.

Современная российская оккупация относится к столь же старой, сколь и отвратительной традиции российского империализма и советского геноцида. Москва хочет уничтожить Украину как самостоятельное явление. Оккупанты думали, что это будет легкой задачей, потому что вслед за Путиным предполагали, что правительство и общество в стране слабы. Но это не так. Столкновение с реальностью спровоцировало оккупантов на более масштабное применение насилия. Уэйн Джордаш, британский адвокат, который документирует военные преступления России в Украине, в интервью *The Reckoning Project* говорит, что огромное количество тюрем на оккупированных территориях объясняется тем, что российская армия пыталась выполнить свой изначальный план: «схватить и уничтожить лидеров» Украины. Но когда оккупация затянулась, определение «лидер» сильно расширилось. Вместо «Зеленского и членов правительства» оно стремительно превратилось в «лидеров на местах», а это уже и военные, и чиновники, и журналисты, и учителя — кто угодно, хоть как-то связанный с украинским государством.

Неудачи и некомпетентность ведут к насилию, насилие порождает сопротивление — и это сопротивление, которое так трудно понять захватчикам, создает пространство для беспорядочного разрушения, боли и страдания. Такова логика геноцида, и это ровно то, что происходит прямо сейчас, в наше время, на все еще не освобожденных территориях Украины. В городах, где российские солдаты ни за что задерживают людей на улицах. В деревнях, где украинские власти даже могут предположить число пыточных.

Старая Збурьевка тоже все еще оккупирована, а Маруняк, ее преданный глава, сейчас живет в изгнании в Латвии. Оттуда он старается поддерживать связь со своими бывшими избирателями, помогать чем может, давать советы или просто слушать, пытаясь сохранить ткань общества, которую российские власти так жестоко и неумело пытаются разорвать. «Они ничего не понимали, — говорит Маруняк. — Просто сломали людям жизни». Они обнаружили незнакомый мир, непохожий на их собственный. И поэтому решили разгромить его и прямо сейчас пытаются уничтожить навсегда.

Статья написана при участии Олега Батурина, Натальи Бимбирайте и Натальи Курдюковой.

Авторы: Наталья Гуменюк, Энн Эпплбаум

Оригинал: *How Russian invaders unleashed violence on small-town residents*, *The Atlantic, February 14, 2023*

Перевод: Вера Нифлер